

ЖЕЛТЫЕ ОБОИ

ШАРЛОТТА ГИЛМАН

ЖЕНЛАНДИЯ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-82(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г47

Charlotte Perkins Gilman
THE YELLOW PAPER
HERLAND

Перевод с английского *Екатерины Смирновой*

Гилман, Шарлотта.
Г47 Желтые обои ; Женландия / Шарлотта Гилман ; [перевод с английского Е. Смирновой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 256 с.

ISBN 978-5-04-220825-6

Шарлотта Перкинс Гилман — американская писательница, поэтесса и социальный реформатор, ставшая известной благодаря новаторским для своего времени литературным произведениям.

Смелые литературные шедевры, вдохновившие таких писательниц, как Элис Уокер и Сильвия Плат.

«Желтые обои» — полуавтобиографический рассказ 1892 года с атмосферой хоррора, иллюстрирующий отношение мужа и окружения к психическому состоянию жены после рождения ребенка. Дневниковые записи женщины, у которой, как полагает ее муж-врач, «временная нервная депрессия и легкая склонность к истерии», постепенно погружают в безумие.

«Женландия» — роман-утопия о путешествии трех увлеченных наукой друзей, Джеффа, Терри и Вандайка, в изолированную общину, полностью состоящую из женщин. Может ли цивилизация существовать без мужчин?

УДК 821.111-82(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-220825-6

© Е. Смирнова, перевод на русский язык, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ЖЁЛТЫЕ ОБОИ

1899

Обычным людям, вроде нас с Джоном, редко выпадает возможность заполнить на лето родовое поместье.

Колониальный особняк, наследственное имение, хочется даже сказать «дом с привидениями» — и достичь пика романтического восторга! — но просить такое у судьбы было бы слишком.

И всё же я с гордостью заявляю — с этим домом что-то не так.

Иначе почему он сдавался так дешево? И почему так долго пустовал?

Джон, конечно, надо мной посмеивается, но от мужей этого следует ожидать.

Джон практичен до крайности. Для религии он слишком нетерпелив, к суевериям испытывает глубокий ужас и открыто высмеивает любые разговоры о вещах, которые нельзя увидеть, пощупать и сосчитать.

Джон врач, и, возможно... (я бы не призналась в этом ни одной живой душе, но бездушная бумага всё стерпит, а для моего ума это большое облегчение) — возможно, именно поэтому я не выздоравливаю быстрее.

Дело в том, что он не считает меня больной. И что тут сделаешь?

Когда уважаемый в обществе врач, да ещё и собственный муж, уверяет друзей и родных, что с вами всё в порядке, за исключением временной нервной депрессии и лёгкой склонности к истерии — что тут поделать?

Мой брат — тоже врач и тоже уважаемый в обществе, и он говорит то же самое.

Так что я принимаю фосфаты или фосфиты, кто их разберёт, и укрепляющие средства, а ещё совершаю прогулки, дышу свежим воздухом и делаю упражнения, ну и мне строго-настрого запретили «работать», пока я не поправлюсь.

Лично я с этим не согласна.

Лично я считаю, что если работа по душе, если она бодрит и вносит в жизнь разнообразие, она пошла бы мне на пользу.

Но что тут поделать?

Я всё равно пыталась немного писать, несмотря на запреты, но меня это действительно сильно выматывает — приходится делать это тайком, иначе на меня снова обрушится шквал возражений.

Иногда мне кажется, что будь в моей жизни меньше возражений и больше общения и стимулов... но Джон говорит, что думать о своём состоянии — это вообще худшее, что я могу сделать, и, признаюсь, эти мысли и правда всегда меня удручают.

Так что оставлю-ка я их и расскажу лучше о доме.

Это чудесное место! Уединённое, на приличном расстоянии от дороги, до ближайшей деревни — три мили. Напоминает английские усадьбы, о которых читаешь в книгах: живые изгороди, стены, запирающиеся калитки и множество мелких построек для садовников и прислуги.

А какой прелестный здесь сад! Никогда прежде я не видела такого сада: большой, тенистый, с дорожками, окаймлёнными кустами самшита, и длинными виноградными галереями с уютными скамейками.

Когда-то здесь были теплицы, но сейчас они все разрушены.

Кажется, поместье было предметом судебной тяжбы — что-то связанное с наследниками и сонаследниками; так или иначе, этот дом пустовал долгие годы.

Боюсь, это разрушает атмосферу заколдованного поместья, но мне всё равно — есть в этом доме что-то странное, и я это чувствую.

Однажды лунным вечером я даже сказала об этом Джону, но он заявил, что всему виной сквозняк, и закрыл окно.

Иногда я злюсь на Джона без особых причин — раньше я никогда не была такой ранимой. Наверное, всё дело в нервном расстройстве.

Но Джон говорит, что из-за подобных чувств я вообще разучусь себя контролировать, поэтому я изо всех сил стараюсь сдерживаться — хотя бы при нём, а это очень утомительно.

Наша комната мне совершенно не нравится. Мне хотелось поселиться внизу, в комнате с выходом на веранду и окном, густо увитым розами, — там ещё милейшие ситцевые занавески, такие старомодные! Но Джон и слышать об этом не хотел.

Он сказал, что там только одно окно, две кровати поставить негде, а рядом нет комнаты, где он мог бы при необходимости уединиться.

Он всегда внимателен и заботлив, не разрешает мне и пальцем пошевелить без особого указания.

Мой день расписан по часам, муж снял с меня все заботы, и я чувствую себя неблагодарной дрянью, потому что недостаточно это ценю.

Он говорит, что мы приехали сюда специально ради меня, что я должна здесь как следует отдохнуть и надышаться свежим воздухом.

— Твоя физическая нагрузка зависит от того, сколько у тебя сил, дорогая, — говорит он, — а потребность в еде — от аппетита. Тогда как воздухом ты дышишь постоянно!

Вот мы и поселились в детской на верхнем этаже.

Это большая, просторная комната, занимающая почти весь этаж, здесь много воздуха и солнечного света — окна выходят на все стороны.

Судя по всему, сначала здесь была детская, а затем её переделали в игровую комнату и гимнастический зал, поэтому на окнах решётки — видимо, для безопасности малышей, а в стены вмонтированы кольца и другие крепления.

Краска и обои выглядят так, будто здесь квартировала школа для мальчиков. Обои местами содраны — большими кусками вокруг изголовья моей кровати, везде, куда дотягивается рука, и на другой стороне комнаты, у самого пола. В жизни не видела таких жутких обоев.

На них — один из тех аляповатых, кричащих узоров, которые нарушают все мыслимые и немыслимые законы искусства.

Узор довольно тусклый, чтобы запутать бегущий по нему взгляд, но довольно чёткий, чтобы постоянно раздражать и заставлять вглядываться, а когда глаз пытается какое-то время отслеживать эти неуклюжие, кривые линии, они вдруг лишают себя жизни: отскакивают под немыслимыми углами, растворяясь в нелепых комбинациях.

Цвет отталкивающий, почти омерзительный: тлеющий, грязно-жёлтый, причудливо выгоревший под меняющимися своей углом лучами солнца.

В некоторых местах сквозит тусклый, но зловещий оттенок оранжевого, а в других — болезненный зеленовато-жёлтый.

Неудивительно, что дети ненавидели эти обои! Я бы и сама их возненавидела, случись мне долго жить в этой комнате.

Так, Джон идёт, нужно заканчивать — мои попытки написать хоть слово выводят его из себя.

* * *

Мы здесь уже две недели — и всё это время, с того первого дня, братья за письмо мне совсем не хотелось.

Сейчас я сижу у окна этой ужасной детской и могу писать, сколько вздумается, пока хватает сил.

Джон отсутствует целыми днями, а иногда и ночами, когда приходится заниматься серьёзными случаями.

Я рада, что мой случай несерьёзный!

Но это нервное расстройство жутко подавляет.

Джон не знает, как сильно я на самом деле страдаю. Он убеждён, что причин для страданий нет, и этого ему достаточно.

Конечно, это всего лишь нервы. Но как мне плохо оттого, что я не могу выполнять никаких домашних дел!

Я должна была быть Джону верной помощницей, источником отдохновения и утешения, а вместо этого стала ему настоящей обузой!

Никто не поверит, каких усилий мне стоит делать то небольшое, что я ещё могу — одеваться, принимать гостей и распоряжаться по хозяйству.

Какое счастье, что Мэри прекрасно справляется с ребёнком. О, наш славный малыш!

Но как же жаль, что я не могу быть с ним: у меня тут же разыгрываются нервы.

А вот у Джона с нервами всегда был полный порядок. Он так надо мной потешается из-за этих обоев!

Сначала он хотел было их переклеить, но потом сказал, что я позволяю им взять верх над собой, а для пациента с нервным расстройством нет ничего хуже, чем поддаваться подобным фантазиям.

И ещё сказал, что вслед за обоями пришлось бы менять тяжёлый остов кровати, потом решётки на окнах, потом калитку наверху у лестницы — и так далее.

— Ты и сама видишь, что этот дом благотворно на тебя влияет, — сказал он. — И согласишься, дорогая, глупо заново тут всё обустраивать ради каких-то трёх месяцев аренды.

— Тогда давай переберёмся вниз, — сказала я. — Там такие милые комнаты.

Тут он меня обнял, назвав блаженной дурочкой, и сказал, что готов жить хоть в подвале, если мне этого хочется, и по такому случаю даже организует его побелку.

И всё же он прав насчёт кроватей, окон и всего остального.

Комната действительно просторная и удобная, любому понравится, и уж конечно, я не настолько глупа, чтобы причинять ему неудобства из-за своей прихоти.

К тому же она мне даже начинает нравиться — всё, кроме этих жутких обоев.

Из одного окна я вижу сад — таинственные тенистые галереи, буйные заросли старомодных цветов, кусты и сучковатые деревья.

Из другого открывается чудесный вид на залив и небольшую пристань, принадлежащую поместью. К ней от дома ведёт дивная тенистая аллея.

Я часто представляю себе, что по этим бесчисленным дорожкам и галереям гуляют люди, но Джон говорит, что я ни в коем случае не должна поддаваться подобным фантазиям. Он считает, что при моём активном воображении и склонности к сочинительству нервное расстройство вызовет всевозможные фантастические видения и что я должна взять в кулак всю свою волю и здравый смысл, чтобы этого не допустить. Вот я и пытаюсь.

Иногда я думаю, что если бы здоровье позволяло мне хоть немного писать, это помогло бы мне избавиться от навязчивых идей и дало бы отдых уму.

Но стоит мне начать писать, как мною сразу овладевает усталость.

Удручает, что мне совершенно не с кем посоветоваться и обсудить свою работу. Джон говорит, что когда я совсем поправлюсь, мы пригласим в гости кузена Генри с Джулией; а пока же, по его словам, он скорее зажжёт фейерверк в моей наволочке, чем позволит мне находиться в компании столь воодушевляющих людей.

Вот бы я побыстрее поправилась!

Но об этом нельзя думать. Эти обои смотрят на меня так, будто знают, как плохо на меня влияют!

Там есть повторяющийся рисунок — узор обвисает, как сломанная шея, и два выпученных глаза смотрят на тебя снизу вверх.

Меня несказанно злит назойливый бег этих бесконечных линий. Они ползут вверх и вниз, они разбегаются в стороны, и кругом безумные, немигающие глаза.

В одном месте полосы не совпадают, и эти глаза скачут вверх и вниз, один чуть выше другого.

Никогда раньше я не видела такой выразительности в неодушевлённом предмете, а ведь все мы знаем, какими живыми они могут быть! В детстве, когда я лежала без сна, простая мебель и голые стены увлекали и пугали меня больше, чем иных детей — игрушки в магазине.

Помню, как ласково подмигивали мне ручки нашего старого массивного комода, а один из стульев был моим надёжным другом.

Я знала, что если какие-то вещи станут вдруг слишком пугать меня, я всегда смогу запрыгнуть на этот стул, и там меня никто не тронет.

Впрочем, огрехи мебели в этой комнате состоят всего лишь в том, что она здесь ни с чем не сочетается, поскольку нам пришлось перенести её снизу. Наверное, когда детская комната стала игровой, все детские вещи отсюда убрали, и неудивительно! Дети оставили здесь ужасную разруху — в жизни такой не видела!

Обои, как я уже говорила, во многих местах ободраны, а уж приклеены они были на совесть, «ближе иного брата» — должно быть, эти дети не только терпеть не могли свою комнату, но и отличались завидным упорством.

Пол испещрён царапинами, дырками и трещинами, штукатурка кое-где отбита, а огромная тяжёлая кровать — единственное, что здесь было, когда мы заезжали, — выглядит так, будто пережила не одну войну.

Но ничего из этого меня не беспокоит — только обои.

Вижу, сюда идет сестра Джона. Она чудесная девушка и так обо мне заботится! Нельзя, чтобы она заметила, что я снова пишу.

Она идеальная домохозяйка, просто изумительная — ей кажется, что лучше призвания и не найти. Думаю, она считает писательство причиной моей болезни!

Впрочем, я могу писать, когда её нет дома — здесь такие окна, что её приближение я вижу издалека.

Одно из них выходит прямо на дорогу — чудесную тропинку, тенистую и извилистую, а другое — на сельский ландшафт, не менее чудесный, с величественными вязами и бархатистыми лугами.

На обоях есть ещё один узор, дополнительный, другого оттенка, и он особенно меня раздражает, поскольку замечен лишь при определённом освещении, и то едва-едва.

Но там, где он не выцвел, и когда на него особым образом падают лучи солнца, я вижу странную, зыбкую, манящую фигуру, как будто скрывающуюся за этим безумным и нелепым основным узором.

Ой, золовка поднимается по лестнице!

* * *

Ну что же, День независимости позади! Все разъехались, а я совершенно измотана. Джон решил, что небольшая компания пойдёт мне на пользу, и у нас неделю гостили мама и Нелли с детьми.

Мне, конечно, не дали и пальцем пошевелить. Нынче всем заправляет Дженни.

Но я всё равно утомилась.

Джон говорит, что если я не начну поправляться быстрее, осенью он отошлёт меня к Уэйру Митчеллу.